

Литературная судьба Олега Чухонцева парадоксальна: он ярко дебютировал в 1958 году, но первая книга стихов появилась почти через 20 лет. Такова была реакция официоза на независимое поведение автора нескольких смелых (по меркам тогдашних блюстителей идеологической чистоты) стихотворений. Его читала и знала интеллигенция, но для широкого читателя он был не столько поэтом, сколько некой легендой о поэте. Поэзия его глубоко по мысли и классична по форме, в ней сошлись история и современность, патриархальное начало и религиозные искания, "почва и судьба". Последняя книга поэта "Пробегающий пейзаж", пятая по счету и итоговая по составу, вышла накануне 60-летия поэта, которое он отметил недавно.

— Олег Григорьевич, в своей новой книге, где стихи впервые датированы, четко видно, что "оппозиционные" вещи — "Повествование о Курбском", "Чаадаев на Басманной", "Репетиция парада", "Кат в сапогах", "Через двор", "Кончина Ивана" — были написаны в конце 60-х. Мы-то воспринимали "оппозиционность" как постоянную тему вашего творчества, а оказалось, это был сравнительно короткий период...

— Главным стимулом для их написания была эстетическая оскорбленность агрессивной коммунистической пропагандой. 67-й год был годом 50-летия революции, о чем непрерывно говорили радио, телевидение, газеты. Человек с нормальной нервной системой вынести этого не мог. Я понимаю, почему Мандельштам написал эпиграмму на Сталина и погубил себя. Слава Богу, с годами я научился дистанцироваться от идеологии.

— Но на те ваши крамольные стихи был "резонанс" — ваша первая книга вышла только в 76-м?

— Готовилась некая акция, были проработанные публикации, но я признателен тем, кто сумел смягчить удар, благодарен издателям, воздержавшимся от заготовленных "разоблачительных" статей. Я уцелел. В 68-м году главный редактор "Юности" Борис Полевой, коммунист, но придерживавшийся правила "живи сам и давай жить другим", — говорит мне, злой, каким я его никогда не видел: "Мне из-за тебя в ЦК вот такой арбуз в задницу вколотили". И тут я собачьим нюхом понял, что все обошлось, раз так сказали, а он мне передает. Когда собираются принимать меры, то не сообщают.

— Значит, "пожурили" "потопически"...

— У нас были просто разные отечества. Правда, с тех пор у меня четкое ощущение не то что ренегатства по отношению к самому себе, а чувство, что я вляпался туда, куда не хотел. Поэты не должны заниматься политикой. Так хотели мне сделать героическую биографию, как Бродскому. Ничего плодотворного в этом смысле я не видел, потому что признаю только один героизм — героизм ежедневного достойного бытия.

— Вы не борец?

— Нет.

— Не оппозиционер?

— Нет, конечно. Диссидентство тоже эстетически неприемлемо для меня. Я боюсь об этом говорить. Немало может быть, лучших людей погибли, поплатились жизнью... И если диссидентство выродилось, то это наша общая драма. Что до меня, то человек должен жить по своему уставу, по своим часам.

— Но вас иногда причисляют к шестидесятиникам.

— Я из шестидесятых, но никогда не принадлежал к шестидесятиникам. Шестидесятиники — это удачливые ребята тех лет, попавшие в

струю. Правда, сейчас шумят, что шестидесятники заняли все места, всем надоели. На самом деле пришли другие, а не те — знаменитые. И вот у этих дисциплина почти армейская: фалангами, стройными рядами, как колорадские жуки, садимся на это поле, обьедаем его, перелетаем на следующее и т.д. Для меня художник интересен, когда он белая ворона, или, как говорил Набоков, "выпадыш". А если он сейчас колорадский жук или в 60-е колорадский жук — какая разница? А вот когда художник ни на кого не похож, когда непонятно, куда сунуть его... Можно назвать как угодно: авангардист, традиционалист или еще как-то...

— ...Наследник пушкинской традиции...

— При этих словах я всегда ежусь. На самом деле никаких наследников нет. Есть что-то общее, какие-то "векания", как выражался Константин Леонтьев. В этом смысле мне поэзия "золотого века" ближе.

— А в двадцатом веке кто вам близок?

— Интересно, что ценимые мною 20—30 лет назад поэты стали менее интересными, а другие питают и питают. Сейчас, например, для меня лучший поэт уходящего века — Мандельштам.

— Ну а в XXI век перейдет пушкинская традиция или она разветвится?

— Об этом надо спросить у тех, кто будет в XXI веке. Но я думаю, никуда мы от Пушкина не денемся.

— А массовому читателю сейчас интересна поэзия? В людях ведь всегда растворено поэтическое чувство. Другое дело, может ли поэт помочь им обнаружить в себе поэтическое начало?

— Это постановка вопроса чисто советская. Вождизм такой. Всякое неструктурированное общество нуждается в вождях, а в струк-

турированном обществе люди живут сами по себе. Я совершенно не строю никаких иллюзий, что хоть одна моя запятая кому-то интересна. Это не усталость возрастная, а просто упразднение мифологии.

— Ну какая же поэзия без мифологии?

— А я не знаю, что такое поэзия. Позволяет она мне жить не разрушаясь — и все. У кого-то это по-другому называется. Видимо, есть остаток какой-то, которым человек не может распорядиться, вроде хвоста невидимого. Собака поворачивает хвостом, когда рада. Когда нам приятно, мы тоже помахиваем им, потом, глядишь, строчки складываются.

— Поэзия — "просто" акт самореализации?

— Это скорее даже не рождение, а родовспоможение. Художник в известном смысле акушер, но не роженица. И никакой его личной

— Я не хотел его произносить, потому что оно должно быть разлитым в составе воздуха, находиться в основании личности.

— Понятно, что вы избегаете говорить "о серьезном" из чувства поэтической гигиены, но ваш лирический герой именно такой. Но, может быть, поэт "записывает" голос, дух народа?

— Это отвлеченное понятие. По поводу народа я не отошел от своих стихов о Чаадаеве.

— Ага: "...ползет, как фарш из мясорубки, по темной улице народ". Но ведь и вы же написали: "И где моя судьба в судьбе народной... Горит земля на родине моей".

— Родина — это место, где родился. Народ же наш — ребенок... Еще и жестокий ребенок. Дети ведь могут, совершенно не думая, разрушить то, что движется, причинить ближнему боль. Я вообще предпо-

ба лирического героя. Кажется, даже если бы вы не поместили в конце поэму "Свои", все равно получилась бы одиссея, книга о возвращении. Ведь в одной из последних баллад "Военный билет..." лирический герой отправляется на кладбище проводить могилы "своих".

— Вы знаете, самоаттестация не красит стихотворца. Я нормальный человек с большой долей родового сознания. Но сейчас у меня другие ориентиры и ценности. Я другой человек. Вот приехала недавно из Павловского Посада моя старшая сестра, которую я очень люблю, привезла варенье-соленья, то, что она с большим трудом вырастила на своем огороде. Я ее каждый раз прошу: не вози ты на себе эти компоты в трехлитровых банках. Их можно купить в магазинах. Это ведь грозит ущемлением нерва, больницей. Я не нищий, с голоду не уми-

ПРОБЕГАЮЩИЙ ПЕЙЗАЖ

ОЛЕГ ЧУХОНЦЕВ:

В ПОЭТЕ БОГОМ ЗАЛОЖЕНО ДВОЙСТВЕННОЕ НАЧАЛО: ОН И СУБЪЕКТ, И ОБЪЕКТ ОДНОВРЕМЕННО. НАСТОЯЩЕЕ СЧАСТЬЕ, КОГДА НЕ ПИШЕШЬ, А ЗАПИСЫВАЕШЬ

заслуги в этом нет. Должны быть азарт и интерес. У человека много возможностей. Стихотворство — это блажь. И слава Богу!

— Но другие-то серьезно относятся к поэзии — и поэты, и читатели.

— Честно говоря, я запрещаю себе говорить публично о вещах, к которым я отношусь серьезно. Я лучше напишу. Ведь для стихотворца даже порядок слов важен. Когда-то Юрий Домбровский, увидев, что я, переводя, пользуюсь словом синонимом, сказал: никаких синонимов в русском языке нет! Каждое слово — единственное! У нас же есть свои способы: метафоры, сравнения, слова, расположенные так, чтобы сам человек не понял, что попал в поле, настроение единственное, из которого нет выхода.

В поэте Богом заложено двойственное начало: он и субъект, и объект одновременно. Настоящее счастье, когда не пишешь, а записываешь. Это классическое отличие истинного вдохновения и истинной мотивации. Когда записываешь, когда ты в хорошей форме, ты родовспомогатель. Тебя что-то преследует, а ты ленишься записать — и вот, условно говоря, открыл газету, а там про это пишут, включил телевизор, а там про это говорят, то есть ты только это и слышишь. И если ты поленился, то можешь не сомневаться — это запишет кто-то другой.

— Так кому же помогает поэт-акушер?

— Только себе. Есть у тебя излишек, помоги ближнему, тогда ты сможешь всем. Когда же хочешь помочь всему человечеству — это или от глупости, или от злого умысла, потому что пахнет завоевательством, цинизмом или равнодушием к человеку. Человек должен работать, пребывать в самостоянии.

— Вот вы и произнесли это пушкинское слово. Я ждал его.

читаю говорить о гражданском обществе. В XIX веке оно уже почти сложилось, а сегодня его нет. "Народ" я понимаю как романтическую метафору, не более того. Есть люди интересные, образованные, талантливые. Если это народ, то мне с ними интересно. Но даже 10 умных людей, собравшись вместе, ни о чем не договорятся. Я ненавижу толпу. В метро стараюсь не попасть в давку. И в историческую — тоже. Вот сейчас стало падать, стрелять, взрывать, то, что этот народ сотворил. Это, кстати, не зависит от интеллектуального уровня. Как-то мне один академик остроумно сказал о группе своих коллег, очень любивших спортивные мероприятия, походы, кистри и прочее: они ради спортивного интереса и матушку-землю сожгут своим термоядером — играючи. Иначе им скучно. Поэтому я никакого романтизма в этом вопросе не признаю. Есть жесткие критерии человеческих отношений, христианские — для большинства европейцев. Есть мировые стандарты жизненного уровня. И все! Все остальное — от лукавого!

— А вот говорят, что интеллигенция — это совесть народа.

— Если это так, наше дело — труба. Если совесть отдельно от тела, то это уже вопрос к философам, возможно ли такое в природе. Если возможно, то нам еще тысячу лет развиваться до нормально цивилизованного состояния.

— Но есть в вашем творчестве патриархальная тема, назовите ее хоть романтической, хоть не романтической. Может, стихи умнее поэта?..

— Я ее изжил.

— Но вся ваша книга об этом!

— Я ее изжил.

— Простите, но ваш сборник заканчивается именно поэмой "Свои"... Книга читается, как роман, где разворачивается судь-

ба, никогда не жаловался, а сейчас тем более. Она обиделась, а я очень расстроился. Рассказываю об этом своему другу. Друг говорит: Может быть, для сестры в этой привязанности к огороду и желании привезти тебе соленья — доказательство собственного бытия? Сестра — человек невоцерковленный, но это ее молитва, доказательство собственного бытия...

— Вот, кстати, и еще одно определение поэзии: молитва, доказательство собственного бытия... А какие темы, проблемы вас сейчас волнуют, интересуют?

— Оказывается, в центре нашей галактики нашли черные дыры и выброс новых звезд. То есть — гармония и на этом уровне. Меня с возрастом меньше интересует то, о чем сказано: "половой истекать истомою..." "О мирах" — это другое дело. Это интереснее, потому что все покрывает, согласовывает, соприкасается со всем: и Гомер, и Данте, и романтическая поэзия, и современность — все приходит в гармоническую систему, ликвидируются разрывы. И для поэтического мышления это больше значит, потому что выстраивает иерархию ценностей.

— А вера? Религиозное сознание?

— Я к этому очень осторожно отношусь. Я не атеист, но и не придаю большого значения формальной стороне религии. Я не так часто бываю в храме, а скорее, общаюсь с Писанием. Но когда заблеваешь, когда сходишь с резвы, то понимаешь: какое чудо, что ты здоров. Ты — случайная пылинка, не зазнавайся! К этому сводится, если угодно, поэтическое выражение религиозного сознания.

А "дала — не дала" — это тема юношеской романтической лирики...

— И никакого предощущения "конца света"?

— Этого я не знаю, было бы безответственно об этом говорить. Но я не думаю, что человечество пора хоронить. У меня нет желания подсюсюкивать предвосхищению пустоты. Слава Богу, просыпаешься, и голова начинает думать — значит, голову еще не оторвали. Правда, есть и такая постановка вопроса — человеку предлагают: лучше застрелись, потому что все равно умрешь, а умрешь ты некрасиво, боля, скорой помощи не будет, и ты станешь разлагаться. А застрелиться — более или менее красиво. Но этот вариант не для меня.

Вот есть что-то завораживающее: начинается третье тысячелетие. Хотя это же так просто и естественно — как и то, что завтра будет снег или оттепель.

Беседу вел Владимир СЛАВЕЦКИЙ.